

JORDAN
IFUEKO

RAYBEARER

ДЖОРДАН
ИФУЭКО

ЛУЧЕЗАРНАЯ

**LIKE
BOOK**

Москва
2022

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
И94

Jordan Ifueko
RAYBEARER

© 2020 by Jordan Ifueko

Перевод с английского *Александры Сергеевой*
Художественное оформление *Валерии Кольшевой*

В оформлении переплета использованы иллюстрации:
© Hennadii H, MURRIRA / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Ифуэко, Джордан.

И94 Лучезарная / Джордан Ифуэко ; [перевод с английского
А. Сергеевой]. – Москва : Эксмо, 2022. – 416 с.

ISBN 978-5-04-158169-5

Тарисай выросла в абсолютной изоляции. Ее воспитала загадочная женщина по имени Леди.

И именно она отправляет Тарисай на опасное задание в столицу Аритсара. Девушке нужно внедриться в ближайшее окружение принца – Совет Одиннадцати.

Если Тарисай пройдет испытание, Луч объединит ее с другими членами Совета: связь между ними станет сильнее кровной.

Тарисай наконец-то получит то, к чему стремилась всю жизнь, станет частью чего-то большего.

Но у Леди другие планы: убить наследного принца руками подопечной.

Тарисай не желает становится пешкой в опасной игре.

Достаточно ли она сильна, чтобы выбрать для себя другой путь?

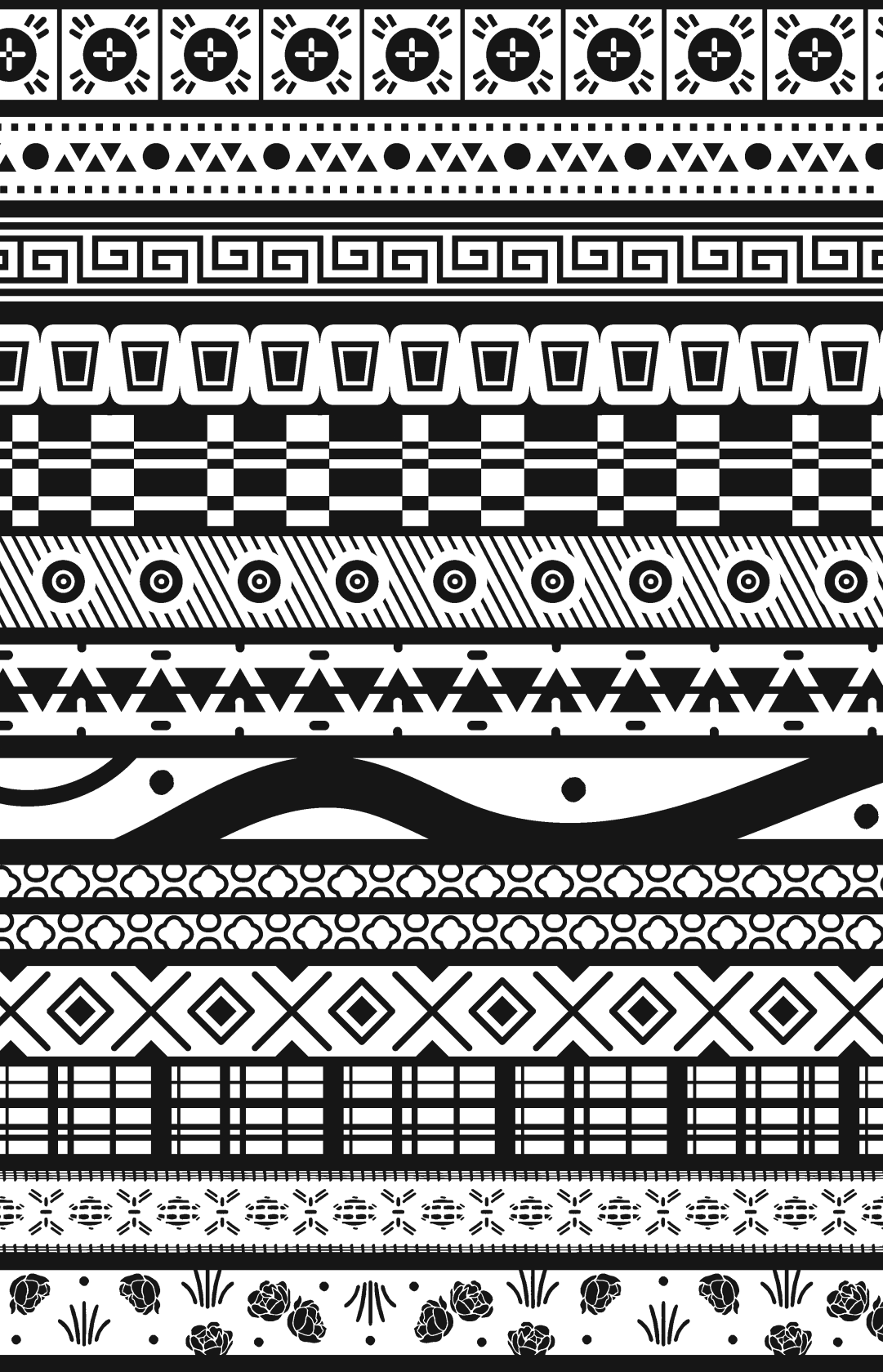
УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Сергеева А., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-158169-5

*Посвящается детям, которые ищут в сказках
похожих на них героев.
И девочкам, чьи истории мы сокращаем до чудес
и сожалений, триумфов и предостережений,
не спрашивая даже их имен.*

ЧАСТЬ 1

ГЛАВА 1

МНЕ НЕ СТОИЛО УДИВЛЯТЬСЯ, ЧТО ФЕИ СУЩЕСТВУЮТ. Когда мимо окна прошло стадо слонов, в пыли вспыхнули огоньки, танцующие над бивнями и серой кожей. Я осторожно свесилась с подоконника, надеясь поймать один огонек, но слуги затащили меня обратно.

— Как не стыдно, Тарисай. — Мой учитель покачал головой. — Что скажет Леди, если ты упадешь?

— Но я хотела посмотреть на огоньки, — сказала я.

— Это всего лишь *тутсу*. — Учитель отогнал меня от окна. — Добрые духи. Они провожают потерявшихся слонов к водоемам.

— Или к львиной стае, — пробормотал другой наставник. — Если они не очень добрые.

Магия, как я вскоре поняла, была изменчивой и непредсказуемой. Однажды я прищурилась, глядя на раздутый ствол баобаба во дворе, и увидела чье-то щекастое лицо.

— *Кай-кай! Девочка-убийца!* — чирикнуло существо и исчезло в дупле.

Мне было семь, когда меня нашел «человек» с кобальтово-синими огненными крыльями. Той ночью я решила искать свою мать по всей Суоне, втором по величине королевстве Аритской империи. Я прокралась мимо храпящих горничных и учителей, набила мешок плодами манго и перелезла через кирпичную стену.

Луна высоко висела над саванной, когда путь мне преградил *алагбато* — волшебный дух. Его золотистые раскосые глаза слегка светились. Он схватил меня за шиворот и поднял над землей, внимательно разглядывая. На мне было одеяние цвета банановых листьев, оставлявшее плечи открытыми. Я махала руками и пинала воздух, пытаюсь

вырваться, но алагбато молча наблюдал за мной, явно забавляясь.

«Я в своей кровати в усадьбе Бекина», — подумала я. Сердце стучало в груди, как барабан из козьей кожи. Я укусила себя за щеку, чтобы убедиться, что все еще сплю.

«Я укрыта тонкой сеткой от москитов, а слуги обмахивают меня опахалами из пальмовых листьев. Я чувствую запах завтрака из кухни. Каша из кукурузы. Жареная рыба матемба...»

Но щека начала болеть. Я находилась не в кровати. Я блудилась на травяной равнине Суоны. Алагбато был словно соткан из огня.

— Здравствуй, Тарисай! — Мои волосы обдало дыханием — горячим, как ветер пустыни. — И куда же ты направляешься?

— Откуда ты знаешь, как меня зовут? — спросила я требовательно.

Неужели алагбато всезнающ, как Сказитель Ам?

— Я дал тебе это имя.

Я слишком сильно злилась, чтобы как следует задуматься над его ответом. Алагбато обязательно быть таким ярким? Даже его волосы сияли вокруг узкого лица подобно ореолу. Если наши охранники заметят его...

Я вздохнула. По саванне я успела пройти не больше мили. Если меня поймут сейчас, это будет ужасно унижительно. Учителя запретят меня снова — и на сей раз заколотят даже окна. Абсолютно все.

— Меня нельзя трогать, — огрызнулась я, царапая алагбато.

Кожа его на ощупь оказалась горячей и гладкой, как глина, оставленная затвердевать на солнце.

— Нельзя? Ты еще маленькая: можешь уместиться. Я слышал, человеческие дети нуждаются в любви и ласке.

— Ну а я не человек! — победно воскликнула я. — Поэтому отпусти меня.

— Кто это тебе сказал, девочка?

— Никто, — признала я после паузы. — Но все так говорят за моей спиной. Я не похожа на других детей.

Это не совсем правда. На самом деле я никогда даже не видела других детей, если не считать ребятишек из торго-

вых караванов, проходивших мимо усадьбы Бекина время от времени. Я махала им из окна, пока рука не начинала ныть, но они никогда не махали в ответ, а просто смотрели сквозь меня, словно наша усадьба — дом, сад, постройки для прислуги, которых хватило бы на небольшую деревню, — была невидима для внешнего мира.

— Да, — согласился алагбато мрачно. — Ты действительно не похожа на других. Хочешь увидеть свою мать, Тарисай?

Я тотчас прекратила сопротивляться, повиснув в его руках, как плющ.

— Ты знаешь, где она?

Мать была подобна утреннему туману: в одно мгновение — здесь, а в следующее — исчезает, оставив после себя лишь аромат жасмина. Учителя суеверно кланялись, когда проходили мимо ее деревянного бюста в моем кабинете. Они называли ее *Леди*. Я восхищалась нашим сходством: у меня были такие же высокие скулы, полные губы, бездонные черные глаза. Деревянная Леди неизменно наблюдала за происходящим, пока учителя толпились в комнате от рассвета до заката.

Они общались между собой на диалектах всех двенадцати королевств Аритской империи. Одни — темнокожие, как я и Леди. Другие — бледные, как козье молоко, с глазами цвета воды. Кожа третьих была красно-коричневой и пахла кардамоном, четвертые обладали золотыми волосами, стекавшими по плечам, как чернила. Учителя без устали снабжали меня загадками и головоломками.

«Сможет ли она решить вот эту? Попробуем другую. Ей надо получше постараться».

Я не знала, что именно они искали. Но как только они находили искомое, я могла увидеть настоящую Леди.

«Сегодня Леди будет довольна», — шептали они, когда я показывала превосходные результаты. Тогда палисадные ворота усадьбы Бекина открывались, и Леди заходила в дом, далекая, как звезда. Ее плечи сияли подобно тлеющим углям. Окрашенная воском одежда облегла тело, как вторая кожа: красными, золотыми и черными зигзагами змеились узоры. Она прижимала меня к груди, и мне становилось так хорошо, что я плакала от счастья.

А она напевала:

— Я — моя. Она — это я, и она — лишь моя.

Леди никогда не общалась со мной напрямую, хотя я и демонстрировала успехи в учебе. Иногда она кивала, словно говорила: «Да, неплохо». Но в конечном итоге всегда качала головой. «Нет. Недостаточно хорошо».

Я зачитывала наизусть стихотворения на восьми разных языках. Бросала дротики в миниатюрные мишени. Решала гигантские логические головоломки, нарисованные на полу. Но каждый раз все заканчивалось одинаково: *нет, нет* и снова *нет*. А затем Леди исчезала в облаке дурманящих духов.

В пять лет я начала ходить во сне, шлепая босыми ногами по гладкому полу усадьбы. Я заглядывала в каждую комнату, жалобно хныча в поисках матери, пока кто-нибудь из слуг не относил меня в постель.

Они старались никогда не касаться моей кожи.

— Я не могу найти твою мать, — сказал мне алагбато в ночь неудавшегося побега. — Но могу показать воспоминание о ней. Эй, не в моей голове! — Он уклонился от моих рук, потянувшихся к узкому лицу. — Я не храню в черепе секреты.

Леди запретила слугам касаться меня не просто так. Я могла украсть историю почти у всего: у расчески, у копья, у человека. Когда я чего-то касалась, то знала, где эта вещь или живое существо находились мгновение назад. Я видела их глазами, если таковые у них имелись, дышала их легкими, чувствовала то, что испытывали чужие сердца. Если я задерживалась в воспоминаниях надолго, то могла погрузиться в прошлое на месяцы и даже годы.

Только Леди была неуязвима к моему дару. Я знала каждую историю в усадьбе Бекина, за исключением ее.

— Ты сможешь взять воспоминание из того места, где все и случилось, — добавил алагбато, аккуратно поставив меня в высокую траву. — Пойдем. Это недалеко.

Он протянул мне костлявую руку, но я колебалась.

— Я не знаю тебя, — сказала я.

— Ты уверена? — спросил он, и на мгновение мне показалось, что я смотрю в зеркало. Он улыбнулся, поджав губы,

как сурикат. — Если тебе от этого легче, меня зовут Мелу. И благодаря *той женщине* я уже не алагбато. — Улыбка Мелу стала горькой. — Больше нет.

Меня охватил страх, похожий на дым от угольной ямы, но я заставила свои тревоги умолкнуть. «*Ты хочешь найти Леди или нет?*»

Я подобрала мешок, из которого выпала большая часть манго, и взяла Мелу за руку. Он осторожно обхватил мою ладонь: пальцы провожатого оказались жесткими, будто из бронзы. На предплечье у него блестел украшенный изумрудами наруч: когда я случайно коснулась широкого браслета, он меня обжег.

— Осторожно, — пробормотал Мелу.

Мы вышли на поляну, где росли акации. Над гладью озера хлопали крыльями цапли. Воздух пах лилиями и фиалками, кусты шелестели бессловесную колыбельную.

— Ты здесь живешь? — спросила я восхищенно.

— В некотором смысле, — ответил он. — Первую тысячу дней все было прекрасно. Но постепенно пейзаж начал меня утомлять.

Я моргнула в недоумении, но он не стал пояснять, только показал на мягкую темно-красную почву под ногами:

— Вот тут.

Я осторожно прижала ухо к земле. Мне никогда еще не доводилось забирать историю из места, которое было больше, чем моя спальня. Знакомый жар охватил щеки и ладони, когда разум зарылся в почву, цепляясь за самое сильное воспоминание.

А крылатый мужчина и цапли исчезли.

Поляна стала моложе: теперь на ней — меньше акаций и кустов. День в самом разгаре. Вода в янтарном озере — чистая и прозрачная, нет ни рыбы, ни мух-однодневок.

Сердце пропускает удар: Леди, моя Леди, небрежно облокачивается на прибрежный камень. Ее отражение в воде

превращается в солнечную мозаику, искажающую лицо и облако полуночно-черных волос. Одежда измята и места-ми порвана, сандалии изношены до дыр. Я беспокоюсь: «*От чего же ты бежала, матушка?*»

Леди окунает в воду наруч с изумрудами. Она что-то шепчет, нежно целует браслет: драгоценные камни вспыхивают и гаснут.

Потом она откладывает наруч в сторону и зовет алагбато:

— Мелу!

Она пробует слово на вкус, растягивая оба слога, как песню.

— Мелу, дорогой! Не выйдешь ли поиграть?

В ответ — тишина. Леди смеется — глубоко и низко.

— Провидцы говорят, что алагбато не любят людей. Некоторые даже сомневаются, что ты существуешь, Великий Мелу, хранитель Суоны. Но я знаю, что ты меня слышишь. — Она достает из кармана зеленый флакон и слегка наклоняет его над озером. — И слышишь прекрасно.

Горячий ветер проносится над поляной, вылепливая из пыли и глины высокого стройного мужчину.

Его крылья сияют кобальтово-синим, как едва разгоревшееся пламя, но голос у него ледяной:

— *Остановись.*

— Я бы назвала тебе свое имя, — говорит Леди. — Если бы только отец потрудился мне его дать.

Она делает паузу, все еще наклоняя флакон над озером.

— Как быстро кровь *абику* впитается в воду и землю, Мелу? Как много ее понадобится, чтобы отравить всех живых существ на пятьдесят миль вокруг? Две капли? Три?

— Не надо, — поспешно выпаливает Мелу. — Постой.

Леди указывает ему на изумрудный наруч.

На лице Мелу читается поражение. Стиснув зубы, он подбирает наруч и защелкивает на руке.

— Если я сделала все правильно, — продолжает Леди, — то ты больше не алагбато Суоны. Ты мой личный *эру...* джинн.

— Три желания, — выплевывает Мелу. — И я буду привязан к равнине, пока не исполню их.

— Как удобно.

Леди садится, задумчиво болтая в воде мускулистыми коричневыми ногами.

— Мелу, я желаю крепость, которую никто не сможет увидеть, пока я не захочу. Дом, где я и мои друзья всегда будем в безопасности. Что-то... подходящее для королевы. Таков мой первый приказ.

Мелу моргает.

— Сделано.

— Где?

— В полумиле отсюда. — Мелу указывает: вдалеке сияют гладкие стены новоявленной усадьбы Бекина.

Леди лучится довольством.

— А теперь, — выдыхает она, — я желаю смерти Олугбаде...

— Этого я не исполню, — перебивает Мелу. — Жизнь и смерть — не в моей власти. Особенно *эта* жизнь. Даже духи не могут убить Лучезарного.

Леди недовольно поджимает губы, но затем немного расслабляется.

— Да, как и ожидалось, — говорит она. — Что ж. Тогда я желаю иметь дитя, которое будет делать, думать и чувствовать именно то, что я ему скажу. Продолжение меня. Одаренное дитя, способное выиграть состязание талантов. Таков второй приказ.

— Невозможно, — возражает Мелу. — Я не могу заставить человека любить или ненавидеть. Ты не сумеешь *владеть* ребенком, как владеешь эру.

— Разве?

Леди в задумчивости складывает пальцы башенкой. И вдруг холодно улыбается, демонстрируя белоснежные зубы.

— А если, — добавляет она, — мое дитя *и будет* эру? Если оно родится от тебя?

Мелу застывает, как дерево в сухой сезон.

— Такой союз противоестественен: ты человек. Мы относимся к разным видам. Ты просишь меня совершить нечто отвратительное.